

— Вы собираетесь просто смотреть, как отец умирает?! — Мяо Цайфэн остановилась у дверей палаты, чтобы не обсуждать некоторые вещи при старике.

— Мама, что вы такое говорите? Если бы у нас с Цзян Хаем были деньги, неужели, по-вашему, мы не оплатили бы папе лечение? Но Цзяньцзюнь и Цзяньдан со следующего семестра начнут учиться в средней школе в столице округа, и мы истратили все деньги на покупку дома там, чтобы быть с ними. Мы даже влезли из-за этого в долги, заняв денег у некоторых коллег Цзян Хая. Болезнь отца проявилась так некстати...

Цзян Хай молча стоял в стороне, поэтому Ван Сюэмэй решительно заменила мужа в разговоре с Мяо Цайфэн.

— Я не с тобой разговариваю. Хай-цзы, скажи мне честно: вы готовы оказать отцу медицинскую помощь или нет? И не рассказывай мне про то, что у вас нет денег на руках. Вы ведь смогли купить новый дом, не так ли? Если ты искренне желаешь помочь отцу, то продай его!

Мяо Цайфэн трясло от гнева. Как тут не понять, что сын с невесткой пытаются уклониться от своего долга?

Да еще дочь, которую столько лет баловали, появилась лишь в тот день, когда пришли результаты обследования старика-отца. А с той поры и ноги ее в больнице видно не было. На нее явно тоже нельзя положиться.

— Мама, деньги на лечение нужны срочно. Даже если я буду готов продать дом, должен найтись кто-то, кто захочет немедленно его купить, — сказал Цзян Хай с горькой улыбкой в ответ на слова Мяо Цайфэн.

— Нечего меня пугать! Я уже поспрашивала здешних медсестер. Дома в столице провинции всегда пользуются большим спросом. Стоит поставить цену на пару сотен юаней дешевле, и люди выстроятся в очередь, чтобы купить его, — Мяо Цайфэн была настроена категорично, так что Цзян Хаю было трудно продолжать притворяться.

— Разве пара сотен юаней — это не деньги? Кроме того врач говорил, что вылечить папину болезнь очень сложно. Есть большая вероятность, что даже если деньги будут потрачены, его не удастся спасти. Мама, не то, чтобы я не хотел спасти отца, но я также должен думать о детях, как о тех, у кого все еще есть будущее. В то же время старший брат такой богатый. Я слышал, он купил несколько магазинов. Почему бы не попросить его оплатить медицинские расходы? В конце концов, человек в этой палате и его отец тоже.

Ответ Цзян Хая поразил Мяо Цайфэн своей холодностью. Он равнял себя с Цзян Лю, хотя любовь и финансовая поддержка семьи, которые он получал все эти годы, была стократ больше.

Цзян Хай, казалось, понял настроение старой женщины в этот момент и, не удержавшись,

буркнул:

— И не говори мне страданиях, которые перенес старший брат. Ведь он задолжал жизнь второму брату, так что он, несомненно, наш должник.

Услышав, как младший сын упомянул брата, умершего во младенчестве, Мяо Цайфэн на миг застыла, а затем переспросила, сжав кулаки:

— О чем ты говоришь?

— Мама, хоть ты и скрывала это, но я все знаю. Мой второй брат умер с голоду из-за старшего брата. Так что если он не захочет сейчас оплатить счета отца, то лишь потому, что у него совсем нет совести.

Как-то раз Цзян Хай случайно услышал об этом, когда проходил мимо комнаты родителей. Только тогда он понял, почему мать всегда так странно относилась к старшему брату. Оказалось, что помимо того, что в раннем детстве брата воспитывала бабушка, существовала еще и такая скрытая причина.

Поэтому Цзян Хай всегда относился ко всем преимуществам, которые он получал, как к должному. Раз старший брат обязан второму брату жизнью, то он заслуживает того, чтобы жертвовать ради семьи побольше.

— Я ошиблась. Как же я ошиблась... — Мяо Цайфэн не могла перестать дрожать. Глядя на безразличие сына и невестки, которые всеми силами старались откреститься от старика, лежащего в палате, она в полной мере осознала свою ошибку.

— С чего ты взял, что твой старший брат виновен в смерти второго брата? Это и правда было моей тайной, но сколько, по-твоему, ему было лет тогда? Если кто и виноват, то только я с твоим отцом. Все дело лишь в том, что мы вдвоем оказались не в состоянии прокормить всех наших детей. Я так ошиблась... — Мяо Цайфэн оперлась рукой на стену коридора, она едва могла стоять. — Я плохо обращалась с твоим старшим братом, зато воспитала двух белоглазых волков. Катитесь к черту отсюда, вы оба! Я сама найду деньги для лечения твоего отца. Даже если мне придется продать землю и наш старый дом, тебя это уже не касается.

Совесть не позволила бы Мяо Цайфэн обратиться за помощью к старшему сыну, но все же нужно было найти способ как можно скорее получить деньги.

— Мама, вы так говорите, будто мы с Цзян Хаем непочтительны к родителям. Если бы у нас были деньги, как у старшего брата, мы бы заплатили, не колеблясь ни минуты. Все дело лишь в бедности нашей семьи, разве не так?

Ван Сюэмэй была крайне недовольна словами свекрови. Несколько лет назад старуха все еще

была на их стороне, обращаясь со старшим братом, как со старым ослом. Но в последнее время от этого отношения и следа не осталось.

— Более того, мы все еще живем в том старом доме. Если вы продадите его, где мы будем жить? Что касается земли, то те поля, которые записаны на мое имя, имя Цзян Хая и наших детей, вы просто не сможете продать, — добавила Ван Сюэмэй.

Однако, глядя на покрасневшие от навернувшихся слез глаза старой женщины, она немного смягчила тон. Ван Сюэмэй взяла мужа за руку и пробормотала:

— Хотите вы этого или нет, но младшая сестра уже пошла навестить старшего брата. Теперь от его совести зависит, будет ли возможность вылечить отца. Вы сейчас слишком расстроены из-за болезни отца, так что мы с Цзян Хаем пойдем. Вам следует немного успокоиться.

После этих слов Ван Сюэмэй потянула мужа за собой и ушла, оставив растерянную старушку одну у дверей палаты.

Мяо Цайфэн не знала, как долго она так простояла. Она действительно не знала, что ее младшая дочь, которая так долго не появлялась, на самом деле отправилась к старшему брату. Значит теперь он знает, что его отец болен? Захочет ли он приехать?

Старушка протерла глаза и поправила волосы, притворяясь, что все в порядке. Затем глубоко вздохнула, открыла дверь и вошла внутрь.

Палата, где лежал Цзян Чуаньэнь, была трехместной. У одного из пациентов на соседних койках не нашлось денег, необходимых для лечения, поэтому дети забрали его домой. Другой не перенес операции и покинул этот мир, сопровождаемый плачем родственников. Поэтому сейчас в палате Цзян Чуаньэнь жил один.

Неизвестно, когда старик проснулся, но когда Мяо Цайфэн вошла, он безучастно смотрел на опадающие листья за окном. Она не могла догадаться, о чем он думал в этот момент.

— Если наш старший сын придет, отправь его обратно домой, — спустя некоторое время сказал Цзян Чуаньэнь жене, которая молча чистила яблоко.

— Эта моя болезнь, как бездонная пропасть. Боюсь, что сколько бы мы не потратили на лечение, мою жизнь уже не спасти. Кроме того, я так стар. Даже если вылечусь, сколько уж там осталось мне прожить? Я боюсь боли и не хочу ложиться под нож, — уголок рта Цзян Чуаньэня подергивался. Никакой боли он, конечно, не боялся, его пугала необходимость потратить столько денег. — У старшего сына тоже двое детей. Наш младший внук такой умничка, он обязательно добьется успеха в будущем. Деньги старшего сына нужно сохранить для детей. Я не слишком хорошо относился к нему раньше, поэтому теперь мне будет слишком стыдно заставлять его оплачивать мои медицинские счета.

Цзян Чуаньэнь обожал своих младших внуков. Он не осмеливался прийти в дом старшего сына, чтобы открыто повидаться с малышами, но украдкой подбирался к ним, когда они играли с другими детьми в деревне, чтобы немного поговорить и угостить специально припрятанными сладостями.

Поначалу он думал, что Цзян Лю с женой по-настоящему ненавидят его, поэтому дети даже не будут знать, кто он такой. Но вопреки всему оказалось, что Цзян Лю должным образом объяснил детям все про их предков, так что когда Цзян Чуаньэнь подошел к малышам, они ласково называли его дедушкой.

У Цзян Чуаньэнь две внучки и трое внуков, но почему-то больше всего он дорожил именно этой парой дракона и феникса, которые с таким трудом достались его старшему сыну. Даже сейчас, когда он так сильно болен, стоило подумать об этих двоих ребятишках, как ему становилось не так грустно.

Жаль, что он, скорее всего, не доживет до того, чтобы увидеть, как эти двое вырастут. А ведь он планировал скопить немного денег за несколько лет, чтобы в будущем, когда у них будут свадьбы, тайком отправить подарки.

— Ты слишком много думаешь наперед. Еще неизвестно придет ли он вообще, — рука Мяо Цайфэн, разрезавшая яблоко, замерла, когда она поняла, что муж услышал весь тот разговор, который недавно прошел снаружи.

— Ничего страшного, если он не придет. Нас бросили даже дети, которых мы баловали, так зачем утруждать ребенка, с которым мы плохо обращались?

Возможно, из-за этой тяжелой болезни разум Цзян Чуаньэня внезапно прояснился. А может, от того, что смерть близка, многие из его слов теперь были прямыми и непредвзятыми.

— Тебе не стоит поднимать шум из-за детей. Забери себе дом и землю, которая принадлежит нам. Оставь себе все деньги, что мы копили все эти годы. Не будь глупой, ничего им больше не давай. После моей смерти ты останешься одна, некому будет о тебе позаботиться, — Цзян Чуаньэнь похлопал жену по руке.

В последние несколько лет он часто жаловался на ее поведение. Если бы не ее скандалы, возможно их отношения со старшим сыном не зашли бы в такой тупик. Но если хорошенько подумать, то чем он лучше?

К тому же он только что услышал, что жена готова продать все свои пожитки до последнего горшка, чтобы оплатить его лечение. Цзян Чуаньэнь почувствовал, что, несмотря ни на что, он женился на правильной женщине.

— К стати, под нашей лежанкой за третьим кирпичом во втором ряду ты найдешь около двухсот юаней, которые я скопил. Возьми эти деньги себе.

Это были личные деньги Цзян Чуаньэня, которые он копил больше десяти лет. Теперь больше нет нужды скрывать это от жены.

— Ах, ты, старый хрыч, как ты посмел прятать деньги от меня? На этот раз я тебя пощажу, но если снова узнаю о чем-то подобном, то поотрываю тебе уши и разотру их в порошок.

Мяо Цайфэн потеряла глаза, не выдержав эту гнетущую атмосферу. Просто замечательно! Его еще даже не начали лечить, а он уж помирать собрался! Он что думает, если она проводит его на тот свет, то сможет хорошо жить сама по себе? Как она сможет хорошо себя чувствовать, если останется совсем одна?

— Хе-хе-хе, — тихонько засмеялся Цзян Чуаньэнь. Он понял, что хотела сказать жена, но в глубине души сомневался, что в будущем у нее будет такой шанс.

— Пациент Цзян Чуаньэнь лежит вон там. Вы можете войти.

За дверью палаты раздались шаги. Мяо Цайфэн услышала, что медсестра упомянула Цзян Чуаньэня, поэтому поспешно вытерла слезы, наворачнувшиеся на глаза. Она предположила, что кто-то из дальних родственников, услышав плохие новости, приехал из деревни навестить их.

Мяо Цайфэн была сильной женщиной и даже сейчас не хотела, чтобы ее видели в плачевном состоянии.

То же самое было верно и в отношении Цзян Чуаньэня. Он попросил Мяо Цайфэн помочь ему взять подушку с соседней кровати, подложил её вместе со своей и почти сел, а также не забыл пригладить волосы.

Но оказалось, что их ожидания не соответствуют действительности. Вместо группы родственников в палату вошел один Цзян Лю.

<https://vk.com/webnovell> — промокоды на главы, акции, конкурсы и прочие плюшки от команды по переводам K.O.D.

<http://tl.rulate.ru/book/45346/1532838>